

A close-up portrait of a young man with light brown hair and blue eyes, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark, textured jacket with a high collar and a gold zipper. The background is blurred, showing bokeh lights in shades of yellow and orange, suggesting an outdoor night setting.

Гоча Алёшович

**Приморский.
Ангел**

Гоча Алёшович
Приморский. Ангел
Серия «ПРИМОРСКИЙ», книга 2

<https://litres.ru/73165963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение трилогии "ПРИМОРСКИЙ". Вторая книга переносит читателя во Владивосток середины девяностых. Алексей Приморский, он же Александр Волгин, вернулся из Москвы с финансированием на развитие своей социальной программы. Теперь у него есть не только цель, но и ресурсы. Перед ним стоит новая задача создать сеть бесплатных спортивных залов для трудных подростков, отремонтировать детский дом, собрать команду и защитить своё дело от криминала, который всё ещё правит бал в приморской столице. Но на горизонте уже сгущаются тучи.

Приморский Ангел это история о том, как трудно оставаться человеком в мире, где правят деньги и оружие. Но в самые тёмные времена есть место надежде, дружбе и любви.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гоча Алёшович Приморский. Ангел

Глава 1

КНИГА ВТОРАЯ. ПРИМОРСКИЙ. АНГЕЛ

1. Возвращение

10 января 1995 года. Серебряный Бор.

Утренний мороз щипал щёки. Алексей стоял на крыльце, сжимая в руке чашку с остывшим кофе. Чемодан уже стоял в прихожей. За спиной — восемь дней в Москве, три из которых решили всё. Впереди — восемь часов полёта и возвращение в реальность.

— Провожу до машины, — отец вышел на крыльцо.

Они молча спустились к «Мерседесу». Сергей Михайлович уже открывал заднюю дверь, но Алексей не спешил садиться.

— Пап, — сказал он, — можно тебя на минуту?

Отец кивнул. Сергей Михайлович тактично отошёл к капоту.

— Слушаю.

Алексей помолчал, собираясь с мыслями.

— Ты мне очень помог. Без тебя ничего бы не было. Ни документов, ни встреч, ни банкира. Ничего.

— Ты сам всё сделал, — возразил отец. — Я только открыл двери.

— Не только. — Алексей посмотрел ему в глаза. — Я вот о чём хочу попросить. Ты можешь мне прислать во Владивосток человека? Руководителя офиса.

— У тебя же есть Виктор Петрович.

— Виктор Петрович — бухгалтер. Он бумажки считает. А мне нужен другой. С боевым опытом. Из спецслужб.

Отец удивлённо поднял бровь.

— Из спецслужб? Зачем?

— Затем, что этот год будет очень нелёгкий. — Алексей говорил спокойно, но твёрдо. — У меня теперь восемьдесят миллионов. У меня пятьсот подопечных. У меня два своих зала и двадцать школьных. И у меня есть Балус с Волей, которые просто так не отступят.

— Думаешь, полезут?

— Думаю, попробуют. Сначала по-тихому. Потом, может, и открыто. Мне нужен человек, который понимает, как с ними разговаривать на их языке действий и противодействий. И который сможет построить систему безопасности так, чтобы нас не уничтожили или мы не превратились бы в банду.

Отец молчал, внимательно глядя на сына.

— Ты понимаешь, что просишь? — спросил он наконец.

— Такие люди просто так не приходят. И они дорого стоят.

— Понимаю. Но если у меня есть восемьдесят миллионов, я могу позволить себе одного такого человека.

— Не в деньгах дело. Такие люди не за деньги работают. Они работают за дело. И за доверие.

— Значит, я готов это доверие заслужить.

Отец посмотрел на него и медленно кивнул.

— Хорошо. Я подумаю. Есть у меня один человек. Полковник в отставке. Работал в «наружке», потом в аналитике. Сейчас на пенсии, скучает. Может, согласится.

— Спасибо, пап.

— Не за что. — Отец усмехнулся. — Ты удивляешь меня, сын. В твои годы я думал только о девушках и о том, как бы быстрее взрослым стать. А ты думаешь о безопасности, о системе, о будущем города.

— Жизнь заставила.

— Вижу. — Отец обнял его. — Ладно, лети. Я позвоню, как договорюсь.

— Я буду ждать.

Алексей сел в машину. Сергей Михайлович закрыл дверь.

— Счастливого пути, Алексей.

— Спасибо.

Машина тронулась. Алексей обернулся. Отец стоял на крыльце, провожая взглядом.

Аэропорт Шереметьево.

В зале ожидания Алексей раскрыл блокнот. Записал: «Полковник. Спецслужбы. Безопасность».

— Год будет тяжёлый, — подумал он. — Но без такого человека не выжить.

Телефон зажужжал. Бакс.

— Бес, ты когда?

— Вечером. Встречайте.

— Бабки привёз?

— Привёз. Восемьдесят миллионов.

Пауза. Потом мат, потом крик, потом ещё мат.

— Ты чё, серьёзно?

— Серьёзно. Вечером всё расскажу.

— Ждём, командир!

Связь прервалась.

Алексей улыбнулся. Убрал телефон.

Самолёт. 8 часов полёта.

Он смотрел в иллюминатор на облака и думал. Думал о банкире, который поверил. О губернаторе, который позволил. Об отце, который помог. И о том полковнике, который, может быть, согласится.

— Восемьдесят миллионов. Пятьсот подопечных. Двадцать залов. И Балу с Волей, которые ждут, — прокручивал он в голове. — Если ошибёмся — всё рухнет. Если сделаем правильно — город изменится.

Он закрыл глаза.

Владивосток. Аэропорт. 23:40.

Парни встречали радостно. Обнимали, хлопали по плечам.

— С возвращением, командир!

В машине Бакс сразу спросил:

— Ну давай, рассказывай!

Алексей достал лист бумаги, протянул Баксу.

— Читай.

Бакс включил свет, прочитал. Глаза полезли на лоб.

— Восемьдесят... миллионов? В год?

— В год.

— И двадцать залов?

— Два своих и восемнадцать школьных. Пока. Будет больше.

— Ты чё, шутишь?

— Не шучу.

В машине повисла тишина. Потом Кислый засмеялся, Бакс заорал, Серёга засвистел. Пацаны облепили Алексея, трясли, хлопали, орали.

— Тихо! — рявкнул Алексей, когда первые восторги утихли. — Это только начало. Теперь самое трудное.

— Что трудное? — спросил Бакс.

— Деньги будут, когда мы подпишем договор. Договор будет, когда мы откроем залы. А залы откроем, когда договоримся с директорами школ.

— И чё делать?

— Работать. — Алексей посмотрел на Кислого. — Ты с бывшими своими говорил?

— Говорил. Многие хотят к нам.

— Сколько?

— Человек пятьдесят. Может, больше.

— Берём. Но с условием.

— Каким?

— Никакой стрельбы. Никаких разборок. Только спорт. И если кто-то потянет старые связи — вылетит моментально.

— Понял.

— И ещё. — Алексей помолчал. — Скоро к нам придет один человек. Из Москвы. Полковник. Будет заниматься безопасностью. Слушаться его как меня.

— Полковник? — удивился Бакс. — Зачем?

— Затем, что мы теперь не просто секция. Мы — система. А система должна быть защищена. И не кулаками, а головой. Он научит.

— Понял, — кивнул Бакс.

Машина въехала во двор.

— Завтра в десять у дяди Вити, — сказал Алексей. — Составляем список школ. Идём по директорам.

Квартира на Светланской.

Мать накормила, уложила. Алексей лежал на диване, смотрел в потолок.

За окном падал снег. Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то в соседней комнате тикают часы.

Алексей закрыл глаза, но сон не шёл. Рука сама потянулась к телефону. Номер, который он помнил наизусть ещё с той жизни, отпечтался в памяти, как татуировка. Он нико-

гда не думал, что наберёт его снова. Но сейчас, после всего, что случилось, после Москвы, после денег, после планов на будущее... ему вдруг стало нужно услышать этот голос.

Он нажал вызов.

Пошли длинные гудки. Один, второй, третий...

— Алло? — раздался в трубке низкий, чуть хриловатый мужской голос.

Алексей сглотнул.

— Старший, это Александр Волгин.

На том конце повисла мёртвая тишина. Потом резкий выдох, похожий на всхлип:

— Ангел?! Ты жив?!

Алексей чуть усмехнулся в темноту:

— Можно и так сказать.

— Волгин... — голос на том конце дрогнул. — Сашка...

Дай мне адрес. Я прилечу завтра же.

— Не надо. Я сам позвоню, когда будет нужно. Просто хотел, чтобы ты знал: я во Владивостоке и я живой.

— Держись, парень. Если что — мы всегда рядом. Ты слышишь? Всегда.

— Знаю. Спасибо.

Алексей отключился и отложил телефон.

И закрыл глаза.

2. Новый отсчёт

11 января 1995 года. Владивосток.

Алексей проснулся от непривычной тишины. Не от той, что давила на уши в больничной палате, и не от напряжённой, предгрозовой тишины перед разборками. Эта тишина была другой — мягкой, ватной, укутывающей.

Он открыл глаза и сразу понял, в чём дело. За окном, вместо привычного серого неба и мокрого асфальта, всё было белым. Город накрыло снегопадом — не тем жалким, тающим на лету, а настоящим, дальневосточным. Снег лежал на карнизах, на ветках деревьев, на припаркованных во дворе машинах. Он завалил тротуары, превратив их в сугробы, сквозь которые только угадывались протоптанные редкими прохожими тропинки.

Алексей подошёл к окну. Владивосток, залитый солнцем и укрытый снегом, казался сказочным городом из другого мира. Только портовые краны на горизонте напоминали о том, что это всё та же суровая реальность.

— Красиво, — сказал он сам себе, и впервые за долгое время в голосе не было ни горечи, ни вызова. Только спокойное удовлетворение.

Новая жизнь началась. И сегодня предстояло сделать первый шаг.

Он прошёл в столовую. Елена Сергеевна уже сидела за большим обеденным столом, накрытым белоснежной скатертью. Перед ней стояла чашка кофе и тарелка с сыром — она всегда завтракала легко. Но для сына стол ломился от яств.

Галина Семёновна, словно по команде, внесла поднос. Алексей усмехнулся про себя: в этом доме даже завтрак был обставлен как церемония.

— Доброе утро, мам.

— Доброе, Алёшенька. — Елена Сергеевна улыбнулась.

— Выспался?

— Да, отлично.

Он сел за стол. Перед ним стояла ваза со свежими фруктами — апельсины, яблоки, виноград, даже киви, что в январе 95-го во Владивостоке было настоящей роскошью. Рядом — омлет, творог, тосты, несколько видов сыра.

Алексей взял апельсин, быстро и ловко очистил его — жест, который Елена Сергеевна заметила краем глаза, но ничего не сказала. Она давно привыкла, что сын после той аварии стал другим.

— Ты сегодня в школу? — спросила она, отпивая кофе.

— Да. Каникулы кончились.

— Хорошо. — Она вздохнула. — Я бы проводила, но у меня лекции в десять. Сама понимаешь, универ не ждёт.

— Понимаю, мам. — Алексей отправил дольку апельсина в рот. — Водитель отвезёт, не волнуйся.

— Я и не волнуюсь, — она улыбнулась. — Ты у меня взрослый уже.

Они позавтракали в тишине, но в этой тишине не было неловкости. Было спокойствие людей, которые наконец-то научились быть рядом.

— Удачного дня, мам.

— И тебе, Лёша. Удачи в школе.

Ровно в восемь чёрный «Краун» ждал у подъезда. Водитель, молчаливый Николай, открыл дверь, кивнул Алексею. Снег уже расчистили, но город ещё только просыпался.

Машина мягко тронулась. По дороге заехали к университету — Елена Сергеевна вышла, чмокнула сына в щёку и исчезла за дверями главного корпуса. Алексей смотрел ей вслед и думал о том, как сильно она изменилась за эти месяцы. Исчезла опухоль с лица, глаза стали ясными, в движениях появилась уверенность.

— В школу, Николай, — сказал он водителю.

— Есть.

Школа встретила его привычным гулом. Уроки уже начались, но в коридорах всё равно толпились ученики, учителя сновали с журналами, пахло мелом и школьной пылью.

Алексей прошёл в класс, отсидел положенные часы. История, алгебра, физика — всё шло своим чередом. На большой перемене он столкнулся с Катей в коридоре. Она училась в параллельном классе, но они всегда находили время перекинуться парой фраз.

— Ну как ты? — спросила она, поправляя лямку рюкзака.

— Нормально. Работаю.

— Работаешь? — она усмехнулась. — Ты прямо как взрослый. Ладно, беги, там твои уже собираются.

В два часа прозвенел последний звонок. Алексей собрал

вещи и направился в спортзал.

Там уже было шумно. Человек тридцать пацанов — Бакс, Сомов, Серёга и остальные — сидели на скамейках, стояли у стен, переговаривались. Дядя Витя и Виктор Саныч стояли в центре, возле ринга, и о чём-то спорили. Увидев Алексея, все замолчали.

— Ну что, Бес? — подал голос Бакс. — Собрал нас. Говори.

Алексей подошёл к тренерам, кивнул им, повернулся к пацанам.

— Значит, так, — начал он без предисловий. — Времени мало, а дел много. Слушайте сюда.

В зале повисла тишина.

— Деньги у нас есть. Губернатор поможет, местные бизнесмены скинутся. На первое время хватит. Думаю миллионов 60 наскребем. Кроме этого у нас есть финансирование из Москвы 80 млн каждый год. Теперь главное — правильно их потратить.

Он посмотрел на дядю Витю и Виктора Саныча.

— Дядя Витя, Виктор Саныч — вы теперь главные. Не только в своих залах — вообще. Вы отвечаете за всё. За тренеров, за инвентарь, за расписание. Без вас ни один пацан на ринг не выйдет.

Дядя Витя усмехнулся:

— А ты, Бес, командовать не разучился.

— Я не командую, я распределяю, — поправил Алексей.

— Теперь так: вы двое набираете штат тренеров. Начальный этап один тренер на 15 мальчишек. Во все залы, которые мы будем открывать. Требования жёсткие: или бывшие спортсмены с опытом, или те, кто умеет работать с пацанами. Никаких случайных людей.

Виктор Саныч кивнул.

— Дальше, — Алексей перевёл взгляд на группу пацанов постарше, стоявших отдельно. Это были бывшие «бригадные» — те, кто после смерти Лысого решили остаться. Шкаф, Шуруп, Кислый и ещё несколько человек. — Вы теперь работаете с ними. Ваша задача — собирать пацанов с улицы. Всех, кто болтается без дела, кто ворует, кто в банды лезет. Не силой, не угрозами — разговорами. Убеждать, объяснять, что есть другой путь.

Шкаф нахмурился:

— Это мы типа вербовщики?

— Это вы типа спасатели, а в будущем вы основа службы безопасности компании. — жёстко сказал Алексей. — Если хотите, чтобы ваши младшие братья или соседские пацаны не сгнили в тюрьме или не сдохли от передоза — делайте свою работу. Вопросы?

Вопросов не было. Шкаф только кивнул, переглянувшись со своими.

— Деньги распределяем так, — продолжал Алексей. — Сначала загружаем залы дяди Вити и Виктора Саныча. Там уже есть база, есть тренеры, есть пацаны. Нужно довести до

ума, чтобы могли работать на полную мощность. Потом — наш школьный спортзал. Здесь будем тренировать новичков, тех, кого вы приведёте с улицы.

— А дальше? — подал голос Сомов.

— А дальше будем расширяться. Весь Первомайский район должен быть охвачен. Чтобы у каждого пацана была возможность прийти в зал, а не на улицу.

Он достал мобильник, взглянул на часы.

— Сейчас позвоню губернатору. У меня к нему есть разговор.

Алексей отошёл в сторону, набрал номер. Пацаны притихли, прислушиваясь.

— Евгений Петрович? Добрый день, Алексей Приморский беспокоит. Да, спасибо, хорошо. Нужна ваша помощь. Надо бы собрать по мимо бизнесменов, директоров школ Первомайского района, хочу им одно предложение сделать. По аренде спортзалов под нашу программу. Если поможете организовать встречу, буду очень благодарен. Да, на этой неделе хорошо бы. Спасибо. До связи.

Он отключился и вернулся к пацанам.

— Завтра позвоню — скажу, когда встреча. Пока работаем по плану. Дядя Витя, Виктор Саныч — вы за тренеров. Бригадные — за улицу. Остальные — на тренировки. Завтра в это же время докладываете, что сделано.

Он развернулся и пошёл к выходу.

— Бес, — окликнул его Бакс. — А ты сам чем займёшься?

Алексей обернулся. Усмехнулся.

— Я буду учиться и делать так, чтобы у вас всех было будущее. Работайте.

Дверь за ним захлопнулась.

На улице снова падал снег. Крупные хлопья ложились на плечи, на голову, таяли на лице. Алексей постоял минуту, глядя на серое небо, потом сел в машину.

— Домой, Николай.

Машина тронулась. За окном проплывал заснеженный город, пацаны на остановках, бабушки с сумками, редкие машины. Обычный зимний день.

Алексей сжал кулак. Впереди было много работы. Но теперь он знал, за что берётся.

Снег падал. Город жил. А он, Бес, только начинал свою настоящую битву.

Планы и уроки

Алексей вернулся домой около четырёх. В прихожей пахло чем-то вкусным — Галина Семёновна уже колдовала на кухне. Он скинул куртку, повесил её в шкаф и прошёл в столовую.

На столе его ждал обед. Суп, горячее, салат — всё как полагается. Галина Семёновна знала своё дело безупречно. Алексей ел быстро, с аппетитом, почти не чувствуя вкуса — мысли были заняты другим.

Только он отодвинул тарелку, как в прихожей раздался звонок.

— Я открою, — крикнула Галина Семёновна.

Через минуту в столовую влетела Катя. В джинсах, свитере, с растрёпанными волосами и рюкзаком за плечами — она всегда была такой: живой, быстрой, с вечным лёгким беспорядком, который ей удивительно шёл.

— Привет, как дела москвич? — улыбнулась она, плюхаясь на стул напротив Алексея. — Галина Семёновна сказала, что ты обедаешь. Я подожду, но вообще-то у нас учёба, между прочим.

— Я уже закончил, — Алексей отодвинул тарелку. — Есть хочешь?

— Не откажусь. — Катя стрельнула глазами в сторону кухни. — Галина Семёновна, а можно мне того же?

Домработница появилась в дверях с лёгкой улыбкой — Катю здесь любили.

— Конечно, Катенька. Сейчас принесу.

Пока Катя ела, Алексей рассказывал. И рассказывал подробнее, чем планировал — может, потому что Катя умела слушать так, что хотелось говорить.

— Значит, так, — начал он, откинувшись на спинку стула. — Москва встретила морозом. Настоящим, не как у нас. Сухой, колючий, щиплет лицо. Серебряный Бор — это вообще другой мир. Коттеджи, сосны, тишина. Я вышел утром на улицу — снег скрипит под ногами, и так тихо, что уши закладывает.

Катя жевала, слушая внимательно.

— С отцом встретились, — продолжил Алексей. — Он рассказывал про Храм Христа Спасителя — его восстанавливают начинают. Ты представляешь, Катя? Его же при большевиках взорвали, а теперь заново строят. Отец в попечительском совете, меня с собой на закладку первого камня взял.

— Ничего себе, — выдохнула Катя. — И как оно?

— Торжественно. Патриарх приезжал, политики всякие. Я там чужой был, конечно. Стоял в сторонке, смотрел. Но ощущение... — Алексей задумался, подбирая слова. — Такое, будто время поворачивает назад. Или наоборот, в будущее шагает. Не объяснить.

— А с отцом как? — осторожно спросила Катя.

— Нормально. Разговаривали. Он про дела рассказывал, я про наши. Про залы, про пацанов, про губернатора. Слушал внимательно, вопросы задавал. Даже удивился, кажется, что я так в это въехал.

— Ты же его сын, — пожала плечами Катя. — Чего удивляться?

— Не знаю. — Алексей покачал головой. — Там, в Москве, у него другая жизнь. Я для него, наверное, как привет из прошлого. Но встретил хорошо.

Катя доела, отодвинула тарелку, посмотрела на него внимательно.

— А самое главное? — спросила она. — Губернатор что сказал?

Алексей усмехнулся — она всегда умела вычленить суть.

— Самое главное он сказал перед отъездом. Вызвал меня, разговор был серьёзный. Про Китай, про границу, про каких-то чиновников из МИДа, которые хотят отдать китайцам участок в районе Туманной. Ты слышала про такое?

— Краем уха. У нас в универе об этом говорили. Говорят, губернатор жёстко выступил против.

— Жёстко — это мягко сказано. — Алексей понизил голос. — Он мне всё выложил. Что это не просто бюрократы, а люди с большими связями. Что они через Москву продавливают своё решение. А он, губернатор, остаётся с краем один на один.

— И что ты?

— А что я? Послушал, запомнил. Попросил отцу передать при случае. Чтобы те, кто наверху, знали, что здесь, на месте, видят эту угрозу.

Катя покачала головой.

— Ты прямо как депутат, Бес. В политику лезешь.

— Не лезу, — поправил Алексей. — Просто оказался в нужное время в нужном месте. И если могу помочь — помогу.

— Ладно, — Катя собрала тарелки, отставила их на край стола. — С этим разобрались. Теперь главное: деньги есть? На залы хватит?

— Губернатор обещал собрать бизнесменов. Я ему сказал, сколько нужно. Шестьдесят миллионов в год на всё про всё.

Он сказал, что есть люди, которые реально заинтересованы в порядке. Да плюс 80 млн которые нам Москва обещала..

— Сто сорок миллионов, — присвистнула Катя. — Это серьёзно.

— А то. — Алексей усмехнулся. — Но если получится, мы весь Первомайский район закроем. Чтобы у каждого нуждающегося пацана был зал, а не улица.

Катя слушала внимательно, изредка кивая. Когда он закончил, она отложила вилку и посмотрела на него с тем особенным выражением, которое появлялось у неё только в самые серьёзные моменты.

— Знаешь, Бес, — сказала она тихо, — я тобой горжусь. Алексей поднял бровь.

— Серьёзно. Ты пришёл в эту школу полгода назад — затравленный, злой, никому не верящий. А теперь... — она обвела рукой пространство, — теперь ты собираешься изменить жизнь сотням мальчишек. Это круто.

— Спасибо, — коротко ответил он.

— Но! — Катя подняла палец, и её лицо приняло строгое выражение. — Учёба прежде всего. Ты не забыл? Экзамены, поступление, вуз. Если ты завалишь учёбу, никакие залы не помогут. Ты будешь просто мажором с деньгами, а не серьёзным человеком.

— Помню, — усмехнулся Алексей. — Поэтому ты здесь.

— Именно. — Катя полезла в рюкзак, достала учебники и тетради. — Давай, открывай алгебру. У нас много работы.

Следующие два часа они занимались. Катя гоняла его по темам, объясняла, заставляла решать примеры. Алексей слушался — не потому, что не мог возразить, а потому, что знал: она права. Без образования все его планы останутся просто мечтами.

Около семи в прихожей хлопнула дверь.

— Я дома! — раздался голос Елены Сергеевны.

Алексей с Катей переглянулись и вышли в коридор. Мать стояла у зеркала, поправляя причёску. В руках у неё был букет — яркие хризантемы, ещё не распакованные, в целлофане. Щёки её слегка порозовели — то ли от мороза, то ли от чего-то другого.

Увидев сына и Катю, она смутилась, быстро убрала цветы за спину, но было поздно — они всё заметили.

— Ой, а вы уже занимаетесь? — спросила она с лёгкой ноткой растерянности. — Я не помешала?

— Нет, мам, мы как раз заканчиваем, — спокойно ответил Алексей, делая вид, что ничего не заметил. — Ты поздно сегодня.

— Да, заседание кафедры затянулось. — Елена Сергеевна всё ещё прятала цветы за спиной. — А потом коллега проводил... в смысле, подвёз до дома. Там скользко очень.

— Понятно. — Алексей едва заметно улыбнулся. — Цветы красивые.

Мать окончательно смутилась, быстро чмокнула его в щёку и скрылась в своей комнате, унося букет.

Катя прыснула в кулак, когда дверь за Еленой Сергеевной закрылась.

— Ого, — шепнула она. — Кажется, у твоей мамы кто-то появился.

— Похоже на то, — так же тихо ответил Алексей.

— Ладно, это не моё дело. — Она собрала учебники, закинула рюкзак на плечо. — Завтра в то же время?

— Да. И спасибо.

— Не за что. — Она уже была в дверях, но обернулась. — Знаешь, Бес... у тебя классная мама. Рада, что у неё всё налаживается.

Алексей кивнул. Проводил Катю до двери и вернулся в квартиру. В комнате матери горел свет. Он постоял немного в коридоре, потом подошёл и тихо постучал.

— Мам, можно?

— Заходи, Лёша.

Она сидела на краю кровати, всё ещё в пальто, рассеянно теребя целлофан на букете. Цветы так и лежали рядом не распакованными. Увидев сына, она снова смутилась, но попыталась улыбнуться.

— Ты хотел что-то?

Алексей сел рядом, на край кровати. Помолчал, собираясь с мыслями.

— Мам, я не слепой. И Катя тоже. Ты не хочешь рассказать?

Елена Сергеевна вздохнула, отложила букет. Посмотрела

на сына долгим, изучающим взглядом — будто проверяла, можно ли ему доверить такое.

— Это Леонид Борисович, — сказала она наконец тихо. — Ректор университета. Мы знакомы давно, ещё с тех пор, когда я только начинала работать. Он... он вдовец. Уже несколько лет. Дети взрослые, живут отдельно.

Алексей слушал молча, не перебивая.

— Я не знаю, как это получилось, — продолжала она, и в голосе появились нотки растерянности. — Мы просто разговорились после заседания, потом он предложил кофе, потом... — она замолчала, подбирая слова. — Он очень деликатный, Лёша. Ничего такого не позволял. Просто... просто я вдруг поняла, что мне с ним хорошо. Спокойно.

— Он тебе нравится? — спросил Алексей прямо.

Елена Сергеевна покраснела, как девчонка.

— Лёша, я... мне уже не двадцать лет. Я не знаю, как это называется.

— Нравится, — повторил Алексей. — Это же просто. Ты взрослая женщина, мам. Ты имеешь право.

Она подняла на него глаза — в них стояли слёзы, но не горькие, а какие-то светлые.

— Ты правда так думаешь?

— Правда. — Алексей взял её за руку. — Слушай, мам. Через год я уеду учиться в Москву. Ты останешься здесь одна. Я не хочу, чтобы ты сидела в этой квартире и ждала моего звонка. Ты заслуживаешь быть счастливой. Прямо сейчас, а

не когда-то потом.

— Но как же ты? — прошептала она. — Я твоя мать, я должна...

— Ты должна жить свою жизнь, — перебил он мягко, но твёрдо. — Я уже большой. Я справлюсь. И я очень хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Чтобы ты не была одна.

Елена Сергеевна смотрела на него, и в её глазах было столько любви и благодарности, что у Алексея самого на мгновение перехватило горло.

— Ты стал таким взрослым, Лёша, — сказала она тихо. — Иногда мне кажется, что я совсем тебя не знаю.

— Это ничего, мам. — Он улыбнулся. — Главное, что мы друг у друга есть.

Она обняла его — крепко, по-настоящему, как не обнимала много лет. Алексей обнял её в ответ.

— Спасибо, сынок, — прошептала она.

— Не за что, мам. Будь счастлива.

Он вышел из комнаты, прикрыв дверь. В коридоре постоял минуту, глядя на свет, пробивающийся из-под двери. Потом пошёл к себе.

В комнате сел за стол, открыл учебник, но мысли были далеко. Он думал о матери, о Леониде Алексейовиче, о том, как странно и хорошо всё складывается. О том, что даже в этом жёстком, переломном мире есть место для простого человеческого счастья.

За окном падал снег. Белый, чистый, он укрывал город,

заметая следы старой боли.

Алексей улыбнулся и открыл учебник на нужной странице.

Жизнь продолжалась. И она была хороша.

3. Первые шаги

12–13 января 1995 года. Владивосток.

Дни пролетели незаметно.

Алексей даже не сразу понял, куда делось время. Утром — школа, днём — тренировки, вечером — уроки с Катей, ночью — звонки, планы, списки, расчёты. Жизнь превратилась в бесконечную череду дел, и это было хорошо. Лучше, чем пустота, лучше, чем воспоминания, лучше, чем та тишина, которая когда-то давила на уши в больничной палате.

Он почти не думал о том, что внутри него живут двое. Просто делал то, что должен.

В среду вечером, когда он уже собирался ложиться, телефон мигнул сообщением. Губернатор:

«Жду вас в пятницу, 14 января, в 10.00. Директора школ Первомайского района будут. Подтвердите».

Алексей усмехнулся. Первомайский район — это их вотчина. Здесь каждая улица, каждый двор были знакомы до боли. Если получится здесь, можно будет идти дальше.

Он набрал короткий ответ: *«Приеду. Спасибо».*

Утром 13-го, перед школой, он заскочил в «Водник».

Зал уже не напоминал то пепелище, которое он видел

несколько месяцев назад. Стены выровняли, пол застелили новым покрытием, ринг стоял на месте — настоящий, профессиональный, с красными канатами. Пахло краской, деревом и чем-то новым, обещающим.

Виктор Саныч ходил по залу как именинник. То потрогает стену, то пнёт ринг, то постоит посреди зала, зажмурившись. Увидев Алексея, он расплылся в улыбке.

— Бес! Заходи, смотри, что получилось.

— Вижу. — Алексей огляделся. — Красиво. Готов?

— Готов. — Виктор Саныч посерьёзnel. — С завтрашнего дня начинаем. Первая тренировка в 16.00. Пока человек двадцать наберём, самых толковых. Потом посмотрим.

— Тренеры?

— Подобрал троих. Старых знакомых, ещё по восьмидесятым. Надёжные мужики, спортсмены, не пьют, с пацанами работать умеют. Завтра всех соберу, познакомлю.

— Хорошо. — Алексей кивнул. — Дядя Витя когда начинает?

— С пятнадцатого. У него зал поменьше, но народу тоже хватит. Уже очередь выстроилась.

— Сколько всего будет?

— Если по минимуму — человек шестьдесят. По обоим залам. — Виктор Саныч покачал головой. — Ты представляешь, Бес? Шестьдесят пацанов, которые вместо улицы будут в зале. Это ж целая армия.

— Армия нам и нужна, — усмехнулся Алексей. — Только

сражаться она будет на ринге, а не в подворотнях.

Виктор Саныч посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты знаешь, Алёша, — сказал он тихо, — я ведь сначала не верил. Думал, мажор развлекается. А теперь вижу — ты за это дело горло готов перегрызть. Спасибо тебе.

— Не за что, Виктор Саныч. Работайте. Я завтра с директорами встречаюсь. Будем расширяться.

После обеда в школьном спортзале его ждала другая картина.

Шкаф, Шуруп, Кислый и ещё трое бывших «бригадных» стояли у стены, окружённые мелюзгой. Пацаны — от восьми до четырнадцати, чумазые, настороженные, смотрят исподлобья. Алексей насчитал шестнадцать.

Он остановился в дверях и вдруг почувствовал, как что-то кольнуло внутри. Эти глаза он видел много раз. В своей прошлой жизни, в зале «Водник», куда приходили такие же пацаны с окраин — злые, голодные, никому не нужные.

— Принимай пополнение, Бес, — сказал Шкаф, кивнув на пацанов. — С улицы. Кого смогли, тех привели.

— Все согласные?

— А кто ж спрашивал? — усмехнулся Шуруп. — Сказали — пойдёшь, значит, пойдёшь. Но без обид, нормально всё. Некоторые сами захотели, когда узнали, что кормить будут.

Алексей подошёл ближе. Медленно, без резких движений, чтобы не спугнуть. Присел на корточки перед самым мелким — пацаном лет восьми в драной шапке, который смотрел на

него с таким вызовом, будто готовился к драке.

— Как зовут? — спросил он тихо.

Пацан молчал, сжав губы.

— Не хочешь — не говори, — Алексей усмехнулся. — Я понимаю. Ты никому не веришь. Думаешь, все вокруг враги.

Глаза пацана дрогнули.

— Врёшь, — сказал он хрипло. — Ты мажор. У тебя вон машина какая.

— Было дело, — кивнул Алексей. — Но это неважно. Важно то, что здесь тебя никто не обидит. Понял?

Пацан молчал, но взгляд уже не был таким колючим.

— Слушайте сюда, пацаны, — Алексей поднялся, обвёл всех взглядом. — Я не обещаю вам лёгкой жизни. Здесь будет жёстко. Тренировки каждый день, дисциплина, никаких драк на стороне. Но если будете работать — выучитесь, станете людьми. Может, даже чемпионами. А если нет — через пару лет сдохнете в подворотне или сядете. Выбор за вами.

Он помолчал, давая словам осесть.

— С понедельника начинаем. Здесь, в этом зале. Тренеры — дядя Витя и его люди. Если кому есть нечего — скажете, накормим. Если дома проблемы — скажете, поможем. Но уговор: пашете как проклятые. Вопросы?

Тот самый мелкий, в драной шапке, вдруг спросил:

— А ты сам будешь тренировать?

Алексей посмотрел на него. В глазах пацана было что-то, от чего у него самого защемило внутри. Надежда. Обычная

детская надежда, что хоть кто-то окажется не врагом.

— Буду, — сказал он твёрдо. — Приходи. Посмотрим, что ты за боец.

Пацан кивнул и спрятался за спины старших. Но Алексей видел: он останется.

— С понедельника, — повторил он уже для всех. — Кто не придёт — пеняйте на себя.

Он отошёл к Шкафу, понизил голос:

— Молодцы. Работаем дальше.

— Слушай, Бес, — Шкаф мялся, явно не решаясь спросить. — А мы сами? Мы ж не тренеры, мы так, на подхвате. Что дальше?

Алексей посмотрел на него внимательно. Бывший бандит, здоровый детина с наколками, мялся как подросток.

— А вы хотите дальше?

— Ну... — Шкаф пожал плечами. — Дело вроде нормальное. Пацаны при деле, мы не в банде. Но нам бы... ну, кормиться как-то.

Алексей усмехнулся.

— Идём.

Он подошёл к Виктору Санычу, который как раз разбирал инвентарь.

— Виктор Саныч, разговор есть.

— Слушаю.

— Смотрите. Эти ребята, — он кивнул на бригадных, — привели шестнадцать пацанов. И приведут ещё. Они знают

улицу, знают, где искать, как разговаривать. Предлагаю взять их в штат.

Виктор Саныч поднял бровь.

— В штат? Тренерами?

— Тренерами. Ставка официальная. Пусть учатся. Дядя Витя или вы за ними присмотрите. А они будут работать с пацанами — не только приводить, но и следить, чтобы те не сорвались. А кто будет с их родителями наводить мосты?

Старый тренер задумался.

— Рисково, Бес. Они ж вчера бандитами были.

— Были. А сегодня они здесь. — Алексей посмотрел на Виктора Саныча в упор. — Если мы им не дадим шанса, они завтра вернутся туда, откуда пришли. А если дадим — может, и из них люди получатся.

Виктор Саныч долго молчал. Потом кивнул.

— Ладно. Давай попробуем. Но пусть дядя Витя за ними присмотрит. У него глаз намётан.

— Договорились.

Алексей вернулся к бригадным.

— Всё, мужики. С понедельника вы в штате. Тренеры-помощники. Зарплата как у тренера и официальная. Дядя Витя за вами присмотрит, научит, если не дураки.

Шкаф вытаращил глаза.

— Да ты чё, Бес? Серьёзно?

— Серьёзнее некуда. Только уговор: никаких бандитских замашек. Вы теперь на другой стороне. Дальше у меня другое

предложение будет.

— Да мы... — Шуруп запнулся, — мы вообще завсегда за порядок. Спасибо, Бес.

Алексей кивнул и пошёл к выходу. За спиной слышался гул голосов — бригадные обсуждали новость, пацаны перешёптывались, кто-то уже пробовал перчатки.

У самых дверей его догнал мелкий — тот самый, в драной шапке.

— Дядя Бес, — выдохнул он запыхавшись. — Я приду. Честно.

Алексей присел перед ним на корточки.

— Как зовут-то?

— Колька, — сказал пацан. — Колька Ткачук. Я с Шестой улицы.

— Знаю такую, — Алексей кивнул. — Там пацаны серьёзные. А ты чего такой тощий?

— Мамка одна, — Колька опустил глаза. — Ей не до того.

— Понял. — Алексей положил руку ему на плечо. — Приходи в понедельник. Я скажу, чтобы тебя покормили сначала. А потом — тренировка. Договорились?

Колька кивнул, не поднимая глаз.

— Договорились.

— Беги. А то простынешь.

Колька рванул обратно в зал, тощий, лёгкий, как воробей. Алексей смотрел ему вслед и думал о том, что именно ради таких пацанов он всё это затеял.

Вечером, оставшись один в своей комнате, Алексей долго не мог уснуть.

Ворочался, смотрел в потолок, слушал, как за окном шуршит снег. Но перед глазами стоял он — Колька. Тощий, в драной шапке, с огромными глазами на бледном лице. Как он сказал? «Мамка одна. Ей не до того».

Сердце сжалось так, что перехватило дыхание.

Алексей сел на кровати, обхватил голову руками. Колька. Сколько таких Колек по всему Владивостоку? По всей стране? Дети, которых некому накормить, некому согреть, некому научить. Дети, у которых нет будущего, кроме улицы, тюрьмы или могилы.

Он вспомнил глаза пацана. В них мелькнуло что-то — удивление? Надежда? Он не мог точно сказать. Но знал одно: таких детей нужно собирать. Не просто приводить в зал на пару часов, а забирать с улицы совсем. Давать крышу над головой, еду, учёбу, защиту.

Интернат.

Мысль пришла внезапно, но когда оформилась в голове, Алексей понял: это единственно верное решение. Не просто спортзалы, не просто тренировки. Нужен дом. Место, где пацаны будут жить, учиться, тренироваться. Где они будут знать, что у них есть тыл.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом падал снег, крупный, пушистый. Где-то там, в Шестом переулке, в холодной квартире с вечно пьяной матерью, спит сейчас Колька. Если

вообще спит.

— Доживи до понедельника, пацан, — сказал Алексей тихо. — А там я займусь тобой.

Он достал блокнот, набросал несколько строк:

Лёг, закрыл глаза. Уснул быстро — сказаласть усталость прошедших дней. И снился ему Колька. Только уже не в дражной шапке, а в чистой спортивной форме, с улыбкой во весь рот.

4. Встреча у губернатора

14 января 1995 года. Владивосток. Администрация края.

Алексей вышел из машины у знакомого здания администрации. Снег за ночь почистили, но тротуары всё равно были скользкими — пришлось идти осторожно. В приёмной губернатора пахло кофе и казёнными бумагами. Секретарша, строгая женщина лет сорока, подняла голову и кивнула:

— Проходите, Алексей Алексеевич. Евгений Петрович ждёт. Только у него гостья, так что придётся немного подождать.

Алексей кивнул, прошёл в приёмную. В кресле у окна сидела женщина — полная, с узнаваемыми чертами лица и той особенной статью, которая бывает только у людей театра. Алексей сразу узнал её. Актриса, которую знала вся страна.

Он замешкался в дверях, не зная, стоит ли мешать. Но губернатор уже вышел из кабинета и, заметив его, улыбнулся.

— Наталья Георгиевна, позвольте представить вам замечательного молодого человека, — сказал он, жестом подзывая Алексея. — Алексей Приморский. Наш местный герой, можно сказать. Затеял в городе программу по спасению трудных подростков через спорт. Боксёрские залы, тренеры, всё своими силами.

Актриса поднялась, с интересом оглядывая Алексея.

— Очень приятно, — сказала она, протягивая руку. — Наталья Георгиевна. А вы, значит, спасаете подростков?

— Пытаюсь, — ответил Алексей, пожимая её руку.

— Евгений Петрович, вы меня заинтриговали, — актриса перевела взгляд на губернатора. — Расскажите подробнее.

— Алексей лучше расскажет, — губернатор похлопал Алексея по плечу. — Это его детище. А мне пока нужно на минуту отлучиться, распорядиться насчёт встречи с директорами. Вы тут пообщайтесь, я быстро.

Он скрылся в кабинете, оставив Алексея и Наталью Георгиевну вдвоём.

— Присаживайтесь, Алексей, — актриса указала на кресло рядом. — Рассказывайте. Я люблю, когда молодые люди занимаются чем-то настоящим.

Алексей сел, на мгновение задумался, а потом начал рассказывать. О залах, о пацанах с улицы, о тренировках, о бригадных, которые стали помощниками. О том, что через неделю шестьдесят человек начнут заниматься боксом, и это только начало.

Наталья Георгиевна слушала внимательно, не перебивая, только изредка кивала. Когда он закончил, она покачала головой.

— Поразительно, — сказала она тихо. — Вы так увлечённо говорите, так горите этим. Я в театре тридцать лет, повидала всяких людей, но чтобы в семнадцать лет такое... — Она вдруг остановилась, всматриваясь в его лицо. — Подождите... Приморский? Вы случайно не родственник того самого Алексея Приморского? Нефтяного магната?

— Сын, — коротко ответил Алексей.

Гундарева откинулась на спинку кресла. В её глазах мелькнуло изумление.

— Сын олигарха? — переспросила она. — И вы... вы вместо того, чтобы кататься на лыжах и дорогих машинах и прожигать жизнь, собираете по улицам пацанов и открываете для них залы?

— А что в этом удивительного? — Алексей пожал плечами. — У меня есть возможность — я её использую.

Гундарева покачала головой.

— Знаете, Алексей, — сказала она тихо, — я человек не особенно верующий. Театр, знаете ли, приучает к другой вере — в искусство, в перевоплощение. Но за вас я буду молиться. Честное слово. Потому что такие люди, как вы, — это чудо.

Алексей почувствовал, как краска приливает к лицу.

— Спасибо, Наталья Георгиевна, — сказал он.

— Это вам спасибо, — улыбнулась она. — За то, что вы есть. И знаете... если будет нужно — обращайтесь. Я хоть и актриса, но связи кое-какие имею. Может, пригожусь.

Из кабинета вышел губернатор.

— Ну что, Алексей, готов? Директора уже собираются. — Он посмотрел на Гундареву. — Наталья Георгиевна, вы с нами?

— Нет-нет, — она поднялась. — Мне пора в театр, репетиция, ждём вас вечером с женой в театре. — Она обернулась к Алексею. — Удачи вам. И помните: я за вас молюсь.

Она пожала ему руку и вышла, оставив после себя лёгкий запах духов и ощущение чего-то светлого.

— Как это у тебя получается? Пять минут разговора и человек влюблен в тебя. — губернатор хлопнул его по плечу. — Идём. Директора ждут.

Алексей кивнул и шагнул в кабинет.

За длинным столом сидели семь человек. Директора школ Первомайского района — мужчины и женщины разного возраста, с усталыми глазами и настороженными лицами. При виде Алексея, который вошёл следом за губернатором, некоторые нахмурились — слишком молод, слишком уверенно держится.

— Садись, Алексей, — губернатор указал на свободное место во главе стола, рядом с собой. — Знакомьтесь, это Алексей Приморский. Тот самый, о котором я вам говорил.

Директора переглянулись. Кто-то кашлянул, кто-то по-

стучал ручкой по столу. Алексей сел, обвёл взглядом собравшихся. Атмосфера с самого начала была напряжённой — чувствовалось, что эти люди пришли не помогать, а защищать свои интересы.

— Евгений Петрович, — подал голос мужчина лет пятидесяти с седыми усами и тяжёлым взглядом, директор школы № 56, — вы нас собрали, чтобы мы отдали спортзалы под какой-то боксёрский клуб? Я правильно понимаю?

— Правильно, — кивнул губернатор. — Алексей, рассказывай.

Алексей поднялся. Говорить сидя, когда на тебя смотрят семеро взрослых людей с недоверием, было невозможно.

— Уважаемые педагоги, — начал он. — Мы открываем сеть бесплатных боксёрских секций для подростков. В первую очередь — для тех, кто на улице, кто в группе риска. Нам нужны залы. Ваши залы.

— Бесплатных? — переспросила женщина в строгом костюме, директор школы № 23. — Кто это финансирует? Или вы хотите, чтобы мы за свой счёт это всё содержали?

— Частные инвесторы, местные бизнесмены, — спокойно ответил Алексей. — Губернатор помог с организацией. Деньги есть, тренеры есть. Нужны только помещения.

— А почему именно наши залы? — снова подал голос усатый. — У нас своих проблем хватает. Мы за эти залы перед пожарными и СЭС отчитываемся. А вы придёте, наведёте своих шпаной, а нам потом отвечать?

— Потому что они есть в каждом районе, — терпеливо объяснил Алексей. — Потому что ученикам не надо ехать через весь город. Потому что это удобно и быстро. И мы берём все расходы на себя: ремонт, инвентарь, уборка, охрана. Вам только выделить помещение.

— Охрана? — хмыкнул усатый. — Это кто охранять будет? Ваши же бандиты?

— У нас будут профессиональные охранники, — твёрдо сказал Алексей. — Бывшие военные. Никаких бандитов.

В кабинете повисла тишина. Директора переглядывались, но никто не спешил соглашаться.

— Алексей, — осторожно начала директор 23-й школы, — а вы подумали о последствиях? Мы, конечно, понимаем, что дело благое. Но... эти ваши спортсмены, они же начнут наших учеников бить. Конфликты, драки... Нам потом разбираться, родителей успокаивай. У меня и так каждый второй жалуется, что в школе бардак.

— У нас строгая дисциплина, — жёстко ответил Алексей. — За драку на стороне — немедленное отчисление из секции. Тренеры — бывшие спортсмены, они с учениками работают жёстко. Никто никого бить не будет. Наоборот — они станут защитниками школы. Если к вашим ученикам пристанут на улице — эти спортсмены за них вступятся.

— Защитники, — хмыкнул усатый. — Ну-ну. А если они сами начнут приставать?

— Тогда мы их выгоним. И они снова окажутся на улице.

Только теперь уже без шанса вернуться. — Алексей посмотрел ему прямо в глаза. — Вы этого хотите?

Усатый промолчал.

— А у меня, — подал голос мужчина на другом конце стола, лысоватый, с хитрым прищуром, директор школы № 31, — зал вообще в ремонте нуждается. Там крыша течёт, полы разбиты, батареи зимой еле греют. Я если вам его отдам, вы его сначала восстанавливать будете? Или мои ученики пусть мёрзнут?

— Будем ремонтировать, — ответил Алексей. — Полностью. Крыша, полы, отопление. За наш счёт.

— И долго?

— Сколько потребуется.

Лысоватый задумался, почесал лысину.

— А инвентарь? У нас и груш нет, и ринга, и матов нормальных. Вы это всё привезёте?

— Всё привезём. Лучшее, что есть.

— Хм. — Лысоватый явно был заинтригован, но не спешил сдаваться. — А если вы потом решите, что вам это невыгодно, и съедете? Кто мне за ремонт заплатит?

— Договор аренды заключим на пять лет, — спокойно сказал Алексей. — Все условия пропишем. Мы не съедем.

— А у меня, — вступила ещё одна женщина, пожилая, с острым взглядом, директор школы № 45, — зал вообще под склад приспособлен. Там коробки с книгами, старые парты, спортивный инвентарь, который ещё с советских времён

остался. Всё это барахло годами копили, выбросить жалко, а пользоваться нельзя. Его освобождать — полшколы перерывать, да и вывозить не на чем.

— Поможем освободить, — твёрдо сказал Алексей. — Наймём грузчиков, машины. Всё вывезем, утилизируем, что нужно — отремонтируем и вернём. Вам только скажите, куда.

— На свои деньги?

— На свои. И сделаем это до начала тренировок.

Женщина поджала губы, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— А если мы не согласимся? — вдруг спросил усатый, испытующе глядя на Алексея. — Что тогда?

Алексей выдержал его взгляд.

— Тогда эти пацаны останутся на улице. Будут собираться в подворотнях, пить, воровать, грабить. Может, и ваших учеников начнут за школу поджидать. — Он сделал паузу. — Я не угрожаю, я просто говорю, как есть. Мы даём им шанс. Если вы его не дадите — они его не получат. И вся ответственность за то, что они будут делать дальше, ляжет на вас. На всех нас.

В кабинете стало тихо. Директора переглядывались, но уже без прежней враждебности — скорее с сомнением.

— Евгений Петрович, — усатый повернулся к губернатору, — а вы что скажете? Вы за этого парня ручаетесь?

— Ручаюсь, — твёрдо сказал губернатор. — Я знаю Алек-

сея не первый месяц. Знаю, что он делает и зачем. И я вам скажу прямо: если вы сейчас откажете, эти пацаны останутся на улице. И через год они будут грабить ваши школы, а не тренироваться в них. А если согласитесь — у вас будет не просто отремонтированный зал, а реальная помощь в воспитании трудных подростков. Я со своей стороны обещаю: любые вопросы с проверками и документами буду решать лично.

Директора замолчали. Тишина затягивалась, становилась тяжёлой, почти осязаемой.

— Ладно, — наконец сказал усатый. — Я подумаю. Надо с завучем посоветоваться, с родительским комитетом. Просто так такие решения не принимаются.

— Время не ждёт, — жёстко сказал губернатор. — У нас каждый день на учёте новые пацаны появляются. Давайте так: вы даёте согласие принципиально, а детали обговорите с Алексеем потом. Ремонт, инвентарь, расписание — всё решаемо. Но решение нужно сегодня.

— А аренда? — снова спросил лысоватый. — Мы ж не можем бесплатно. У нас бюджет, нам отчитываться надо.

— Аренда — по минимальной ставке, — ответил Алексей. — Мы готовы платить. Символически, но официально. Чтобы у вас все бумаги были в порядке.

Лысоватый кивнул.

Директор 23-й школы вздохнула.

— Знаете, Алексей, — сказала она, — я, пожалуй, согла-

шусь. Но с условием: вы лично придёте на родительское собрание и всё объясните. Чтобы люди знали, кто это делает и зачем. Чтобы не думали, что мы школу бандитам сдали.

— Приду, — кивнул Алексей. — Назначьте дату, я приеду.

— И я согласна, — добавила пожилая. — Если вы сможете склад разобрать. И чтобы без обмана.

— Поможем. В понедельник с вами свяжусь.

Усатый долго молчал, барабанил пальцами по столу. Потом махнул рукой.

— Ладно, чёрт с вами. Давайте попробуем. Но если что — мы сразу откажемся. У меня школа не последняя, мне за неё отвечать.

— Договорились, — сказал Алексей.

К концу встречи согласились все семеро. Кто-то с энтузиазмом, кто-то с явным сомнением, но согласились. Двое попросили прислать бригаду для оценки ремонта, трое — помочь с вывозом хлама, одна — прийти на родительское собрание.

Когда директора вышли, губернатор откинулся на спинку кресла и выдохнул.

— Тяжело с ними, да? — спросил он.

— Привык, — ответил Алексей. — Они не злые, просто устали. У каждого своих проблем выше крыши.

— Справился. Я, честно говоря, не ожидал, что ты так легко их уговоришь. Думал, минимум половина откажется.

— Нелегко, — поправил Алексей. — Но результат есть.

— Что дальше?

— Дальше — ремонт, инвентарь, тренеры. И интернат.

Губернатор поднял бровь.

— Интернат?

— Да. Место, где пацаны смогут жить. Те, кому некуда идти. Сироты, беспризорники. Пока они будут тренироваться, учиться, есть, спать. Чтобы знали, что есть дом. Алексей показал запись в блокноте:

Интернат на 50–100 человек.

Спальные корпуса, столовая, спортзал, учебные классы.

Тренеры, воспитатели, учителя.

Полное государственное обеспечение — или частное?

Кто даст деньги?

Поговорить с губернатором. Поговорить с отцом. Найти землю.

Губернатор смотрел на него долго, внимательно.

— Ты серьёзно?

— Серьёзнее некуда. — он тяжело вздохнул и с горечью произнес:

— Я вчера одного пацана видел, Кольку. Восемь лет, мать пьёт, сам по улице шастает. Таких сотни. Их всех не спасти, но хотя бы часть...

— Алексей... — губернатор покачал головой. — Это же огромные деньги. Сотни миллионов. Где ты их возьмёшь?

— Пока не знаю. Но найду. Может, с отцом поговорю, мо-

жет, с московскими бизнесменами. Вы же сами говорили — если не мы, то кто?

Губернатор усмехнулся.

— Ладно. Иди, Алексей. И знаешь...

— Что?

— Если с интернатом что-то получится — я первый приду к тебе с предложением помочь. На уровне края. Чтобы это был не просто частный проект, а государственный. Системный.

— Договорились, — кивнул Алексей.

Он вышел из кабинета. В приёмной уже никого не было, только секретарша шуршала бумагами. Он кивнул ей и направился к выходу.

На улице снова падал снег. Белый, чистый, он укрывал город, замечая следы тяжёлого разговора.

Алексей сел в машину.

— Домой, Николай.

Машина тронулась. За окном проплывал заснеженный Владивосток, редкие прохожие, очереди у остановок. Обычный зимний день.

Но Алексей знал: этот день стал ещё одним шагом к чему-то большому.

— Интернат, — сказал он тихо, глядя в окно. — Будет тебе интернат.

Глава 6. Надёжный человек

В кармане зажужжал телефон. Номер был незнакомый.

— Слушаю.

— Алексей Приморский? — голос в трубке был низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой.

— Да.

— Меня зовут Геннадий Иванович Громов. Я от вашего отца. Он сказал, что вам нужна помощь. Я сейчас в вашем офисе во Владивостоке. Можете подъехать?

Алексей замер. От отца? Он просил помочь с интернатом, но не ожидал, что ответ придёт так быстро.

— Буду через 15 минут, — ответил он, и сказал водителю ехать обратно.

— Жду.

Связь прервалась.

Через час Алексей входил в офис компании отца во Владивостоке — то самое здание из стекла и бетона, которое местные прозвали «Кристаллом». Охрана на входе только кивнула — здесь его уже знали. Лифт поднял на второй этаж, и Алексей оказался перед дверью переговорной.

Громов стоял у окна, рассматривая панораму заснеженного города. Услышав шаги, обернулся.

— Алексей, — он шагнул навстречу, протянул руку. Пожатие было крепким, сухим, профессиональным. — Садитесь.

Они сели за длинный стол переговоров. Громов напротив, Алексей рядом. В переговорной было светло, просторно, пахло кожей и кофе.

— Ваш отец много о вас рассказывал, — начал Громов, внимательно разглядывая Алексея. — Говорит, вы тут целую революцию затеяли.

— Можно и так сказать, — Алексей выдержал его взгляд. — Он передал что-нибудь?

— Передал, чтобы я внимательно вас выслушал и сделал всё, что в моих силах. — Громов усмехнулся. — Я с Алексеем Алексеевичем давно работаю. Если он просит — значит, дело серьёзное.

— Серьёзное, — кивнул Алексей. — Рассказывать долго, но вы слушайте.

И он начал рассказывать. Сначала про то, как всё начиналось — про похищение, про Лысого, про смерть Свирия. Громов слушал, не перебивая, только изредка уточнял детали.

— Значит, тот самый Лысый, про которого весь город говорит? — спросил он, когда Алексей дошёл до убийства главаря «бригадных».

— Тот самый. Он успел назвать имя Гальянова перед смертью. А потом Гальянова тоже убрали.

— Чисто работают, — заметил Громов. — Профессионалы.

— Профессионалы, — согласился Алексей. — Мы потом вышли на Савельева. Бывшего мэра. Оказалось, он заказывал убийства. Хотел вернуться во власть, убирал всех, кто мешал.

Громов присвистнул.

— Бывший мэр? И ты его расколол?

— Не я один. Губернатор помог, юрист... ну, Семёнов, который потом застрелился.

— Застрелился? — Громов поднял бровь.

— Не сам. Его заставили. Или помогли. — Алексей пожал плечами. — Там теперь следствие разбирается.

— А ты?

— А я жив. И теперь у меня другая задача.

Алексей рассказал про пацанов. Про то, как собирал их с улицы, про залы, про дядю Витю и Виктора Саныча. Про то, как бывшие бандиты, бригадные, теперь работают на него — приводят малолеток, следят за порядком.

— И ты им доверяешь? — спросил Громов.

— Не особо. — Алексей усмехнулся. — Но выбора нет. Они знают улицу, знают, где искать, как разговаривать. Без них не справиться.

Громов кивнул.

— А малолетки?

— Шестнадцать человек уже привели. Ещё будут. Я их в понедельник в зал веду.

— Сколько всего?

— Пока шестьдесят в двух залах. Плюс эти. Плюс будем открывать новые — договорился с директорами семи школ. Они дают залы в аренду.

Громов покачал головой.

— И ты всё это сам?

— Не сам. Тренеры, пацаны старшие, губернатор помогают. Но идея — моя.

— А интернат? — Громов посмотрел внимательно. — тоже нужен?

— Да. — Алексей подался вперёд. — Вчера пацана одного видел. Колька, восемь лет, мать пьёт, сам по улице шастает. Таких сотни. Что им спорт? — им дом нужен. Крыша, еда, учёба. Чтобы знали, что есть место, где их не бросят.

Громов долго молчал, глядя на Алексея. Потом усмехнулся.

— Знаешь, Алексей, я за свою жизнь многое повидал. Охранял олигархов, работал в горячих точках, всякое видел. Но чтобы семнадцатилетний пацан так рассуждал... — Он покачал головой. — Ты необычный парень.

— Жизнь заставила.

— Вижу. — Громов откинулся на спинку кресла. — Ладно. Чем я могу помочь?

— Две вещи, — Алексей подался вперёд. — Первая — бригадные. Они бывшие бандиты, дисциплины ноль, могут в любой момент сорваться. Им нужен человек, который поставит их на место. Который научит работать по правилам, а не по понятиям. Чтобы они стали нормальными охранниками, а не шпаной.

— Ты хочешь, чтобы я взял их под крыло?

— Да. Организовать из них нормальную службу безопасности. Форма, зарплата, график, инструкции. Чтобы они

знали: если накосят — вылетят.

Громов кивнул.

— Это можно. У меня опыт есть. А второе?

— Второе — деньги. — Алексей достал из внутреннего кармана сложенный лист, развернул на столе. — Здесь смета. Ремонт залов, инвентарь, зарплата тренерам, кормёжка пацанов. Губернатор обещал помочь с бизнесменами, но мне нужен человек, который будет за этим следить. Чтобы ни копейки не ушло налево. Чтобы каждый рубль работал на дело.

Громов взял лист, пробежал глазами.

— Солидно, — сказал он. — Шестьдесят миллионов в год?

— Плюс 80 млн московские. Если интернат запустим — больше будет.

— И ты хочешь, чтобы я контролировал расходы?

— Да. Вы человек надёжный, отец вас рекомендовал. А мне сейчас такие и нужны. Чтобы спать спокойно.

Громов усмехнулся.

— Ладно. — Громов протянул руку. — Я согласен. Давай попробуем.

— Спасибо, Виктор Сергеевич.

— Для своих — просто Виктор. А позывной Гром, не надо придумывать. Меня так в армии звали.

— Гром, — повторил Алексей. — 22-я отдельная бригада спецназа ГРУ?

Громов замер. Взгляд его мгновенно стал жёстче.

— Откуда информация? — спросил он спокойно, но в голосе появилась сталь.

— Отец, по-моему, говорил, — Алексей пожал плечами, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Пауза. Громов смотрел на него долгим, изучающим взглядом. Потом медленно кивнул.

— Значит, так, — Громов поднялся, подошёл к окну. — С завтрашнего дня начинаем. Сначала посмотрю на твоих бригадных, поговорю с ними. Потом займусь финансами.

Они вышли из переговорной

Алексей сел в машину.

— Домой, Николай.

Машина тронулась. За окном проплывал заснеженный Владивосток, редкие прохожие, огни витрин. Обычный зимний вечер.

Но Алексей знал: этот вечер стал началом чего-то большого.

5. Новые правила

15 января 1995 года. Владивосток. Спортзал «Водник».

Утро выдалось морозным. Алексей приехал в зал к девяти, хотя тренировки начинались только в двенадцать. Хотел всё проверить сам, до того как придут пацаны. Но Гром оказался быстрее.

Когда Алексей вошёл, полковник уже стоял посреди зала. В руках — папка с бумагами, на лице — спокойное внимание

человека, привыкшего оценивать обстановку.

— Доброе утро, — Алексей скинул куртку, повесил на крючок у входа. — Вы рано.

— Привычка, — Гром кивнул на ринг, на стены, на новенькое покрытие. — Осматриваю хозяйство. Хороший зал. Дорогой.

— Старались.

— Вижу. — Гром прошёлся по периметру, постучал по стене костяшками, присел, провёл ладонью по покрытию. — Когда бригадные придут?

— В одиннадцать договорились. Я их предупредил, что будет серьёзный разговор.

— Хорошо. — Гром выпрямился, посмотрел на Алексея. — Ты мне вот что скажи. Они тебя слушаются?

— Пока да.

— А почему? Ты молодой, денег у тебя тогда ещё не было, ствола за поясом не носишь. Почему они на тебя работают?

Алексей задумался. Вопрос был правильный, по-военному прямой.

— Не знаю, — ответил он честно. — Может, потому что я их не боюсь. И потому что дал дело. До меня они просто бандитами были, которых все ненавидят. А теперь они нужны.

— Нужны, — повторил Гром. — Это хорошо. Но мало. Нужных людей можно использовать, а потом выбросить. А тебе нужно, чтобы они стали своими. Это другая работа.

— Я понимаю.

— Понимаешь? — Гром усмехнулся. — Ладно, посмотрим.

Они обошли зал вместе. Гром задавал вопросы — про тренеров, про расписание, про инвентарь, про то, сколько пацанов будет приходить, кто их кормит, где они переодеваются. Алексей отвечал, и чем дальше, тем больше понимал: этот человек видит то, чего он сам не замечал. Мелочи, которые становились важными, когда на них смотрел профессионал.

— У тебя тут даже аптечки нет, — заметил Гром, заглянув в тренерскую. — А если кого-то во время тренировки приложат? С носом кровь, с зубом выбитым? «Скорую» ждать?

— Не подумал, — признался Алексей.

— Это не страшно. Страшно, когда не учатся на ошибках. — Гром что-то пометил в папке. — Завтра составлю список, что нужно. Купим.

Ровно в одиннадцать начали подтягиваться бригадные.

Первым пришёл Шкаф — здоровый, мрачный, с наколками на пальцах. За ним — Шуруп, тощий, вертлявый, с вечно бегающими глазами. Потом Кислый, Мелкий, Ржавый — все, кого Алексей видел в школьном спортзале несколько дней назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.